

Н. А. Гулевская, А. Н. Гулевский

МЕСТО ВОЙНЫ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье осуществлен философский анализ феномена войны как социального явления. Установлено, что война и военный опыт занимают в исторической памяти особое место. Война как экстремальное состояние страны способствует духовному пробуждению ее народа. В ситуациях военного времени рождаются лучшие мысли о жизни и смерти, которые не возникали бы и не могли возникнуть у людей в условиях мирной жизни — в повседневности, пусть и озабоченной темой войны. Масштаб войны — параметр, определяющий ее местоположение в национальном самосознании. Для русского национального сознания характерно понимание войны как священной, жертвенной, справедливой, великой, всенародной, победоносной. В развитии русского государства война является стержневым элементом. Русская архетипическая модель войны — это не нападение, а оборона, отражение внешней агрессии. Подобное понимание войны обусловлено своеобразием истории, географии, культуры. Все политические, идеологические трансформации русскому народу удалось пережить только благодаря его солидарности, которая закалялась во всех войнах и еще более скрепляла нашу нацию.

Ключевые слова: война, национальное сознание, идентичность, историческая память, Отечество, народ, солидарность.

N. A. Gulevskaya, A. N. Gulevsky

ROLE OF WAR AS A SOCIAL PHENOMENON IN THE NATIONAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SOCIETY: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article includes philosophical analysis of war as a social phenomenon. It is established that war and military experience hold a special place in the historical memory. War as an extreme state of a country promotes spiritual revival of its people. Circumstances of wartime give rise to the best thoughts about life and death, which would have not emerged in people's minds in terms of still peaceful life — in daily routine even burdened by the matter of war. The extent of war is a parameter defining its place in the national consciousness. Russian national consciousness is marked by understanding of war as sacred, sacrificial, just, great, nationwide and victorious. War is a crucial element in development of Russian state. Russian archetypical model of war is not attack but defense, repulse of external aggression. This understanding of war is caused by the peculiarity of the history, geography and culture. Russian people managed to overcome all political and ideological transformations only due to their solidarity, which hardened in all the wars and strengthened our nation still more.

Keywords: war, national consciousness, identity, historical memory, Home-land, people, solidarity.

2015 г. — год 70-й годовщины Победы нашей страны в Великой Отечественной войне. Современная геополитическая ситуация такова, что некоторые страны, изменив свою позицию в угоду политической конъюнктуре, подвергают сомнению итоги и результаты Второй мировой войны. Их оценки вероломства, расизма, антисемитизма, шовинизма нацистской Германии уже далеко не так однозначны. Националистические лозунги, табуированные во всем цивилизованном мире, сегодня открыто

звучат на Украине в отношении Российской Федерации и русского населения. И все это при откровенной поддержке ряда стран Западной Европы и США. Причин подобного сдвига в сознании европейцев достаточно. Постепенный уход из жизни свидетелей меняет отношение к нацизму и Второй мировой войне. Современное поколение уже не так остро ощущает свою связь с этой частью европейской истории. А эта ситуация, в свою очередь, порождает возможность самых бессовестных

манипуляций различными социальными субъектами исторической памяти. К сожалению, мы вынуждены признать, что межпоколенческие противоречия характеризуют и современное российское общественное сознание. «Противоречивость исторического сознания возникла в результате конъюнктурной переоценки истории разнонаправленными политическими силами, многократного переписывания истории и недоверия молодежи к проводникам исторического знания — социальным институтам общества, включая образовательные учреждения» [1, с. 15, 16]. Нацизм сегодня гуманизируется и даже возрождается и в нашей стране. Это выражается в моде на нацистскую и псевдонацистскую символику, в интересе к германской военной технике, псевдонаучных представлениях о мистических тайных основах германского нацизма, в идеализации и демонизации германских войск СС в отечественном кинематографе [2, с. 163]. К сожалению, но это уже часть молодежной субкультуры. Современные события и сюжеты снова заставляют нас задуматься о невозможности вечного мира и все более нарастающей вероятности третьей мировой войны.

В данной статье авторы предприняли попытку осмыслить место феномена войны в национальном сознании российского общества, его роль в формировании исторической памяти.

Война как социальное явление является определяющим для национальной культуры. Гипотеза данного исследования заключается в предположении, что война для русской истории — стержневой механизм развития. В связи с этим то, как мы понимаем войну, как интерпретируем события военной истории, какие символы используем, — все это влияет на формирование нашей национальной идентичности, а значит и на образ будущего страны.

Для русской культуры в целом характерно понимание войны как священной, жертвенной, справедливой, великой, всенародной, победоносной. Война имеет естественный характер, поскольку является важным условием мира. Основная функция подобной установки идентификационная, интеграционная во имя защиты Отечества. Русская архетипическая модель войны — это не нападение, а оборона, отражение внешней агрессии. Подобное

понимание войны обусловлено, в первую очередь, своеобразием истории, географии, культуры. Исторически сложившаяся территория российского государства является системообразующим элементом Евразийского континента. Обширные территории с богатыми природными ресурсами, географически выгодное положение России, ее сухопутная доступность на западных, восточных и южных границах на протяжении всей истории привлекали захватчиков. Земли, крайне пригодные для жизни, столетиями приходилось отвоевывать у завоевателей. Сегодня, как и прежде, мы можем наблюдать попытки экспансии России для преодоления назревшего в западной цивилизации экономического и духовного кризиса. Внешняя уязвимость, страх перед врагом, напряжение от постоянного ожидания нападения компенсировались в концепции оборонительной войны. Правда, а значит и сила — всегда на стороне того, кто защищает родную землю. Враг для русского человека всегда обречен — за ним нет правды. Образ «врага» в нашем национальном сознании и исторической памяти всегда «задает травматический предел человеческого» [3, с. 45]. Враг есть вселенское зло, олицетворение бесчеловечности и аморальности. Поэтому в войне русские не просто побеждают, а одерживают моральную победу, символизирующую торжество справедливости и добра. Обе наши Отечественные войны «выкатились» за территориальные пределы страны отнюдь не по причине вдруг возникших завоевательных амбиций, а ввиду желания восстановить справедливость и гармонию мирового порядка, нарушенную врагом. Присоединяя новые территории, Россия не вела ограбление и уничтожение народов, не создавала казематов, но давала равную возможность в развитии для всех народов, проживавших в России.

Концепция оборонительной (справедливой) войны наиболее полно раскрывается в тезисе о мессианской роли России в мировой истории, где Россия — это государство, задача которого — борьба с несправедливостью, злом, гордыней, жадностью, растлением, греховностью. Россия не стремится к мировой гегемонии, но борется с попытками ее появления, часто жертвуя собой, — она как страж многополярного, полицентричного универсума. Россия — хранительница подлинного

христианства, основанного не на рациональной традиции, а на исконных христианских ценностях, среди которых важное место занимает любовь. Только русский человек сохранил понимание любви как единства, доброты, растворения, доходя до безрассудства, она порой наивна, но лишена в то же время притворства западной цивилизации. Но только искренне любящие люди способны столь же искренне ненавидеть, рисковать собой ради любви, не жалея себя ради спасения России, которая для них мать, а значит существо, которое любят и хотят защищать. В этом русские черпают свою силу, они уверены, что воюют за правое дело и сам Бог помогает им в этом. Поэтому на войне русские раскрывают лучшие стороны своего характера, ибо война обнажает внутренний мир человека и показывает его изъяны. Русские не теряют человечности даже на войне. Они проявляют любовь-жалость и заботу к слабым, пленным, больным, раненым, даже если речь идет о враждебной им стороне, русские дают шанс врагам на исправление [4, с. 247].

Репрезентация нашего прошлого показывает, что Россия всегда выигрывала войны, в которых реализовывался тезис оборонительной (справедливой) войны. В критической ситуации русские способны объединиться в единый на-род, стать подвижниками как в ратном, так и в мирном труде, забывая все прежние обиды, они объединяются и плечом к плечу смело ведут бой с врагом. Подобное единение народа порождает чувство национального единства, самоопределения, национального самоуважения.

Как уже отмечалось выше, война для русской истории — стержневой механизм развития, и если она оценивается как священная (справедливая), то государство резко укрепляется [5, с. 52]. В ходе войны кристаллизуются ценно-сти, появляются новые социальные институты, новации в культуре. Так, ополчение Минина и Пожарского, а затем и война 1812—1814 гг. стали вехами в формировании российской нации. «Нация у нас выходит из горнила войны, пусть и священной» [6, с. 18]. Военные победы русской армии в XVIII — начале XIX вв., ее превосходство над врагом заложили основу национальной идентичности. Патриотизм народа, его самопожертвование во имя победы также закалялись на полях сражений русской рати. Стержнем русского патриотизма являлась вера в незыблемость России, обусловленная доминирующими в национальном

сознании ценностями религиозного порядка [7, с. 281]. Сам же концепт Отечества и национально-патриотических ценностей «запустил» механизм формирования русской идентичности вне сословных и классовых различий. По глубокому убеждению авторов, особенность нашей идентичности заключается в ее народно-державной основе патриотизма. Как бы правители не пытались вольно или невольно устремить народ в определенном направлении развития, война расставляет всех «игроков по своим местам». Именно русский народ (а не царь, император, вождь нации), повинаясь своему инстинкту самосохранения, создавал победы на фронте и в тылу и двигал вперед русскую цивилизацию по ее историческому тернистому пути развития. Верность державе и правителю, воинская отвага, самопожертвование во имя Отечества — вот, что есть, по сути, патриотизм по-русски, составляющий основу национальной идентичности. По мнению авторов, все политические, идеологические трансформации русскому народу удалось пережить только благодаря его солидарности, которая закалялась во всех войнах и еще более скрепляла нашу нацию.

Следует отметить, что достигнуть тотального единства нации возможно только при наличии сильной государственной власти и мощной идеологической базы. «Единение» царя Николая II с народом в начальный период Первой мировой войны, его безоговорочная поддержка укрепили царя в правильности решения вступить в войну. Эйфория по мере отрезвляющих провалов на фронте сменилась депрессией. В сознании крестьян постепенно стало укрепляться мнение о несправедливости войны, а образы «царя» и «Отечества» стали дистанцироваться [8, с. 140]. Без поддержки народа выиграть войну стало невозможно. Отторжение народом монархии в лице Николая II и его семьи предо-пределило исход внутривластной борьбы в стране в 1917 г., да и трагиче-ский для России итог Первой мировой. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. стала не только самым тяжелым потрясением в нашей современной истории, но и примером подлинного единения нации, вождя, управленческой верхушки и народа. Несмотря на нечеловеческое напряжение, народ выстоял, а из подлинно патриотического (пусть и стихийного)

движения родился гражданин, трансформировались государственные институты.

Любая война после своего окончания продолжает существовать как в индивидуальном, так и коллективном сознании народа. При этом формирование образа войны и дальнейшее его закрепление в национальном сознании опирается на эмоционально-рациональные источники. Война есть элемент исторической памяти, а ключевые военные события играют роль опорных реперов национального самосознания. В связи с этим война как концепт должна быть рассмотрена не только в перспективе, но и ретроспективе как бы через призму образов прошлого, знакомых человеку.

А историческая память обязана актуализировать этот феномен, связывать его с настоящим. История народа есть источник национальных сил, питающий надежды нации на будущее. Истории о национальных победах стали важнейшим фактором мобилизации современного общества. Их задача — укрепить в национальном сознании концепт того, что можно не только выстоять, но и победить.

Значимость исторической памяти как фактора формирования национальной идентичности очевидна. Утрачивая память, социум лишается личности, а потеряв личность, мы теряем нацию. Этническая, национальная или религиозная идентичности строятся на исторических мифах и образах, которые определяют, кто является членом группы, каковы качества членов группы и, как правило, кто и почему является врагами группы. Историческая память — стержень национального самосознания. Сегодня мы фиксируем, что государство прилагает усилия для формирования государственной политики, направленной на повышение уровня сплоченности общества. Основой этой политики является понимание того, что только память способна стать «точкой опоры» для выхода из современного кризиса национальной и гражданской идентичности. Постоянные поиски идентичности как индивидом, так и социумом диктуют необходимость обращения к истокам истории своего Отечества.

В современной когнитивистике распространено представление о том, что в мышлении существуют определенные паттерны, накапливающие следы поступающей информации. Данные, поступающие в мозг, классифицируются

посредством связи с паттернами, которые создают особую схему, в соответствии с которой распознается информация. Паттерны являются относительно стабильными структурами, и новая информация структурируется в зависимости от того, как она соотносится с паттернами. По сути дела, «тематический паттерн» — это принцип, согласно которому тематические структуры, востребованные в сознании субъекта, приводятся в логическое соответствие. Тематические паттерны дают возможность комплексного объяснения познаваемой реальности на основании актуализированных реакций сознания путем приведения «тематических сумм» в «системные целостности» [9]. Такими паттернами, на наш взгляд, являются ключевые, значимые события российской и советской истории. Решение вопроса о формировании системы паттернов в сознании современного россиянина (на основании соответствующих исторических моментов) создало бы основу, по мнению авторов, для формирования национальной идентичности. По нашему глубокому убеждению, сегодня эта работа должна стать одним из приоритетов государственной политики в сфере образования и культуры. Исследователи отмечают кризисное состояние исторического образования и знания истории среди современных россиян, падает и интерес к истории.

К основополагающим событиям нашей истории, которые могли бы образовать систему-матрицу паттернов, необходимо отнести события военной истории. Ввиду ограниченного пространства статьи здесь будут намечены лишь контуры системы паттернов. Скорее всего, это не просто события-факты, а принципы, концепты понимания этих событий. Во-первых, это концепция справедливой, оборонительной войны и идея Отечества. Память о победоносных войнах 1812 г., 1941—1945 гг. является стержневым объединяющим фактором, получившим отклик в обществе. Мы не говорим о чрезмерной героизации памяти, но с необходимостью считаем, что потомки обязаны знать и гордиться своими героями. Ежегодно проходящая акция «Бессмертный полк» доказывает, насколько память о войне — это мощный стимул к объединению нации.

Прошлое страны нельзя ограничивать личной памятью и воспоминаниями двух предыдущих поколений. Во-вторых, история, являясь

неизменной (состоявшейся) объективной реальностью, является той самой константой, которая детерминирует самость этноса, также приобретающую объективность. Несмотря на это, на наш взгляд, в целях самосохранения нации надлежит осуществлять коллективную цензуру отрицательных (для групповой сплоченности) событий истории. В-третьих, нельзя не учитывать современных особенностей глобализационных процессов, затронувших и сферу цивилизационных символов, культурных кодов человечества. То, что мы помним о себе как нации, не только отличает нас от других, но и объединяет. Сегодня все чаще следует задавать себе вопрос: мы помним свое историческое прошлое или чужое, придуманное кем-то для нас? Задача нашего поколения — не допустить, чтобы историческая память превратилась в инструмент глобальной ассимиляции, интеграции и национального растворения. В-четвертых, необходима «политика памяти» — комплекс мероприятий, проводимых государством, по генерированию, поддержанию и корректировке памяти в интересах национально-государственного организма. За несколько десятилетий относительного мира между ведущими державами национально-государственное соперничество из военной сферы было выдвинуто в сферы торговли, спорта, научно-технического развития, а также в сферу памяти. В глобальном мире многие версии памяти (интерпретации событий) уже не могут быть обособленными и разделенными национально-государственными границами. Доминирование же какой-либо версии определяет «лидерство» той или иной нации, формирует позитивный национальный имидж, снабжает аргументами внешнеполитические ведомства при апелляциях к «международному общественному мнению». Многие национальные государства с досадой обнаружили, что вынуждены защищать от недружелюбного вмешательства иных государств, надгосударственных структур не только свои внутренние и внешние рынки, свою территорию и информационное пространство, свои внутриполитические процессы, но и свою историческую память. Последние события вокруг празднования 70-й годовщины Победы СССР в Великой Отечественной войне доказывают это. Глобальная политика памяти и глобальные

символические конфликты по поводу памяти являются новыми явлениями, по сути, новым вызовом национальному государству. Эти новые вызовы-угрозы игнорировать никак нельзя.

Таким образом, можно утверждать, что историческая память является фундаментом самосознания нации. С одной стороны, историческая память является хранилищем исторического опыта, с другой стороны, историческая память представляет собой механизм восприятия, понимания и актуализации социума. Важное место в исторической памяти и национальном сознании народа занимают военная история, героический эпос нации. Кризисное состояние исторической памяти нынешнего россиянина породило определенный кризис национальной идентичности, преодолеть который нам придется, если мы желаем самосохраниться как нация.

Список библиографических ссылок

1. Фролов В. А. Историческое сознание российской молодежи: условия формирования и проявления в социальных практиках: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2014.
2. Макаров Д. В., Дронов В. А. Динамика образа врага в современных фильмах о Великой Отечественной войне // Власть. 2013. № 2. С. 160—163.
3. Гудков Л. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; под ред. Н. Конрадова. М., 2005.
4. Водолагин А. В. Мистерия священной войны // Наш современник. 2012. № 9. С. 240—253.
5. Постнов Г. О социальной психологии в России во время Первой мировой войны // Знание — сила. 2015. № 3. С. 46—55.
6. Глебова И. И. Отечественная война в русской культуре // Россия и современный мир. 2012. № 4. С. 6—35.
7. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000.
8. Аксенов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914—1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Рос. история. 2012. № 4. С. 137—145.
9. Леонов И. В. Паттерны культурно-исторического процесса: парадигмально-тематический анализ // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 5. С. 219—222.

© Гулевская Н. А., Гулевский А. Н., 2015